

ДЖОРДЖ ОРУЭЛЛ

СКОТНЫЙ ДВОР

Джордж Оруэлл

Скотный двор

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Оруэлл Д.

Скотный двор / Д. Оруэлл — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Притча, полная горькой иронии и сарказма. Трагичная история сообщества животных, решившихся избавиться от угнетения людьми, и попавшего под изуверскую власть свиней. Таков «Скотный двор» Оруэлла. В повести изображена эволюция сообщества наивных революционеров-животных, изгнавших со скотного двора его владельца, жестокого мистера Джонса: от романтической свободы до диктатуры коварного и корыстного хряка по кличке Наполеон. В повести Оруэлл показал перерождение революционных принципов и программ, то есть постепенный переход от идей всеобщего равенства и построения утопии к диктатуре и тоталитаризму. «Скотный двор» – притча, аллегория на революцию 1917 года и последующие события в России.

© Оруэлл Д.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Джордж Оруэлл Скотный двор

Перевод с английского Юлии Шматько.

Глава 1

Мистер Джонс, хозяин фермы «Господский Двор», запер курятники на ночь, а вот лазы для молодняка по пьяни запереть позабыл. То и дело покачиваясь из стороны в сторону и продельвая какие-то немислимые па с фонарем в руках, он кое-как доплелся до дома, сбросил сапоги у задней двери, налил себе последний (но только на сегодня, понятное дело) стакан пива из бочки на кухне и направился к кровати, где уже вовсю храпела миссис Джонс.

Как только свет в спальне погас, во всех хозяйственных постройках фермы началось движение и суэта. Днем разлетелся слух о том, что Старейшина, знатный призовой хряк средней белой породы, прошлой ночью видел странный сон и хотел поделиться им с другим животными. Было решено провести собрание в большом сарае, как только мистер Джонс прекратит пастать по двору и уляжется спать. Старейшина (так его все называли, хотя на выставках он значился под именем «Уиллингдонский красавец») был настолько глубоко уважаем на ферме, что каждое животное было готово пожертвовать часом сна, чтобы послушать, что он скажет.

В дальнем конце большого сарая соорудили что-то наподобие платформы, которую подсвечивал свисающий с балки фонарь, и где, собственно, Старейшина уже деловито восседал на кучке соломы. Ему недавно стукнуло двенадцать лет, и в последнее время он изрядно располнел, но он все еще оставался величественным свином с мудрой и доброжелательной внешностью, даже несмотря на то, что его клыки никогда не подпиливали. Вскоре начали подтягиваться другие животные и устраиваться поудобнее вокруг импровизированной сцены. Первыми пришли три собаки – Кувшинка, Джесси и Кусака. За ними приплелись свиньи, которые развалились на соломе прямо перед платформой. Курицы уселись на подоконники, голуби расположились на балках под крышей, овцы и коровы заняли места сразу за свиньями и принялись пощипывать из-под них сено. Две ломовые лошади, Боец и Кашка, зашли в сарай вместе, очень медленно и с большой осторожностью ступая своими огромными мохнатыми копытами, чтобы ненароком не раздавить какую-нибудь примостившуюся на соломе мелюзгу. Кашка была уже немолодой, хоть и крепкой кобылой, которая значительно огрузнела после четвертого жеребенка. Боец был огромным тяжеловозом почти восемнадцать ладоней в высоту, а силой превышал двух лошадей вместе взятых. Белая полоса на носу придавала ему слегка глуповатый вид, хотя, чего уж греха таить, он и впрямь не обладал выдающимся интеллектом. Однако его повсеместно уважали за его силу воли и невероятную работоспособность. За лошадьми прискакала Мюриэль, белая коза, и приплелся Бенджамин, осел. Бенджамин был самым старым животным на ферме и обладал также самым скверным характером. Он редко что-то говорил, а когда все же говорил, то обычно это было какое-нибудь циничное замечание: например, что Бог дал ему хвост, чтобы отгонять мух, но он прекрасно прожил бы как без хвоста, так и без мух. Он был единственным среди животных на ферме, кто никогда не смеялся. А когда его спрашивали, почему так, то он обычно отвечал, что никогда не видел вокруг абсолютно ничего смешного. Тем не менее, хоть он не признавал этого открыто, он восхищался Бойцом. Обычно они оба проводили воскресенье в маленьком загоне за садом, паслись бок о бок, но при этом даже не разговаривали.

Как только лошади уложились, в сарай ворвался выводок утят, отбившихся от своей матери-утки. Малыши слабо попискивали и метались из стороны в сторону в поисках укромного места, где бы на них никто не наступил. Кашка огородила их своей большой передней ногой, словно стена, утята прижались к ней и тут же заснули. Практически в последний момент, демонстративно пожеывая кусок сахара, в сарай ехидно притрусила хорошенькая, хоть и пустоголовая, белая кобылка Молли, таскавшая повозку мистера Джонса. Она заняла место поближе к платформе и начала игриво потряхивать своей белоснежной гривой в надежде привлечь всеобщее внимание к вплетенным туда красным ленточкам. Последней пришла кошка,

которая, как всегда, огляделась в поисках самого теплого места. В итоге она втиснулась между Бойцом и Кашкой, где удовлетворенно мурлыкала на протяжении всей речи Старейшины, при этом абсолютно не слушая, о чем он распинался.

На собрании присутствовали все животные, кроме Моисея, ручного ворона, который мирно спал на шестке за задней дверью. Когда Старейшина убедился, что все уселись и готовы его слушать, он откашлялся и начал:

«Товарищи, вы все уже слышали о странном сне, который приснился мне прошлой ночью. Но об этом немного позже. Сначала мне нужно кое-что сказать вам. Сдается мне, товарищи, что недолго мне осталось жить на этом свете, но прежде чем я умру, я считаю своим священным долгом передать вам ту мудрость, которую я приобрел. Я прожил долгую жизнь, у меня было много времени для размышлений, пока я лежал один в своем стойле, и как по мне, я имею полное право заявлять, что понимаю, как устроена жизнь на этой земле не хуже, чем любое животное, ныне живущее. Именно об этом я и хочу поговорить с вами.

Итак, товарищи, как же устроена наша жизнь? Давайте посмотрим правде в глаза: наша жизнь несчастна, утомительна и коротка. Мы рождаемся, нам дают ровно столько пищи, сколько нужно для поддержания жизни в наших телах, и те из нас, кто способен на это, обременены впридачу тяжелой и изнурительной работой до последнего вздоха. И вот, когда все соки из нас выжаты и взять с нас больше нечего, нас убивают с ужасающей жестокостью. Ни одно животное в Англии не знает счастья и отдыха после того, как ему исполнился год! Ни одно животное в Англии не является свободным! Жизнь животного – это ничто иное, как несчастье и рабство. Это чистая правда, товарищи.

Но разве таков естественный порядок вещей? Неужто это все потому, что наша земля настолько бедна, что не может обеспечить достойную жизнь тем, кто на ней живет? Нет, товарищи, тысячу раз нет! Почва Англии плодородна, а климат благоприятен. Наша земля способна дать пищу в изобилии гораздо большему количеству животных, чем населяет ее сейчас. Одна наша ферма могла бы обеспечить безбедную жизнь дюжине лошадей, двадцати коровам, сотне овец – и все они жили бы в комфорте и достоинстве, которые сейчас почти невозможно себе вообразить. Почему же тогда мы продолжаем мириться с таким жалким существованием? Почти все продукты нашего усердного труда украдены у нас людьми. Вот, товарищи, ответ на все наши проблемы! Его можно описать одним единственным словом – Человек. Человек – вот кто наш истинный враг. Избавьтесь от Человека, и вы избавитесь от причины голода и переутомления навсегда.

Человек – единственное существо, которое только потребляет и ничего не производит. Он не дает молока, не откладывает яйца, он слишком слаб, чтобы тянуть плуг, он не может бегать достаточно быстро, чтобы ловить кроликов. И все же он считает себя повелителем всех животных. Он заставляет их тяжело работать, но в ответ дает им лишь тот минимум, который не даст им умереть с голоду, а остальное оставляет себе. Нашим трудом обрабатывается земля, нашим навозом она удобряется – а что с этого имеем мы? Ничего! Дырку от бублика! Вы, коровы, которые гордо стоят передо мной, сколько тысяч галлонов молока вы уже дали за этот год? И куда пошло молоко, которым вы могли бы напоить своих крепких телят? Его все, до последней капли, выпили наши враги. А вы, уважаемые куры, сколько яиц вы снесли за этот год и из скольких яиц вылупились цыплята? Какова же была судьба остальных снесенных вами яиц? А я вам скажу – остальные ушли на рынок, чтобы принести заработок Джонсу и ему подобным. А ты, Кашка, где те четыре жеребенка, которых ты родила и которые должны были поддерживать и радовать тебя на старости лет? Все они были проданы, едва им исполнился год – ни одного из них ты больше не увидишь. Ты четыре раза старалась, рожала жеребят, тяжело работала в поле – и что же ты получила взамен за свои труды? Скучный паек и место в деннике!

И даже это убогое существование часто у нас отбирают раньше времени, не дав спокойно встретить старость. Мне грех жаловаться, я счастливчик. Мне уже стукнуло двенадцать лет, и

от меня родилось более четырехсот поросят. Такова естественная жизнь свиньи. Но в конце концов ни одному животному не удастся избежать жестокой смерти от руки человека. Вот вы, молодые свины, сидите сейчас передо мной и излучаете здоровье и жизненную силу, а ведь не пройдет и года, как вы будете дико визжать, когда каждого из вас будут жестоко колоть острым ножом. Это ждет всех вас – коровы, свиньи, куры, овцы, все. Не лучшая участь и у лошадей с собаками. Возьмем, к примеру, тебя, Боец. В тот самый день, когда твои огромные мускулы потеряют свою силу, Джонс продаст тебя живодеру, который перережет тебе глотку и пустит на корм своим гончим. Что касается собак, то когда они постареют и станут беззубыми, Джонс привяжет им на шею кирпич и утопит в ближайшем пруду.

Разве вы еще не поняли, товарищи, что причиной всех наших бед является тирания человеческих существ? Избавьтесь от Человека, и продукт нашего труда будет нашим собственным. Почти в мгновение ока мы станем богатыми и свободными. Что же нам тогда делать, спросите вы? А я вам скажу – работать день и ночь, не покладая рук, чтобы однажды свергнуть род человеческий и навсегда прекратить это гнет! Вот мое послание к вам, товарищи – Восстание! Я не знаю, когда придет время этого восстания, это может произойти через неделю, а может и через сто лет, но я знаю, так же точно, как я вижу эту соломинку под своими копытами, что рано или поздно справедливость восторжествует. Посвятите этому делу, товарищи, всю свою оставшуюся, хоть и недолгую, жизнь! И, прежде всего, передайте мое наставление тем, кто придет после вас, чтобы будущие поколения продолжали борьбу и все же одержали заветную победу.

И помните, товарищи, вы должны быть непоколебимы в своей решимости. Никакие доводы и уловки не должны сбить вас с истинного пути. Никогда не слушайте, когда вам говорят, что у человека и животных есть общие интересы, что процветание одного – это процветание других. Это все наглая ложь. Человека не интересуют ничьи интересы, кроме его собственных. А среди нас, животных, пусть будет полное единство и несокрушимое товарищество в борьбе за общие цели. Все люди враги. Все животные товарищи».

В этот момент поднялся ужасный шум. Пока Старейшина произносил свою речь, четыре больших крысы выползли из своих нор и сидели на задних лапах, слушая его. Собаки внезапно заметили их, и только стремительным рывком обратно к своим норам крысам удалось спастись. Старейшина поднял копыто, призывая к тишине.

«Товарищи, – сказал он, – вот что нам необходимо решить. Дикие животные, такие как крысы и кролики – нам друзья или враги? Давайте проголосуем. Выношу на рассмотрение собравшихся такой вопрос: крысы нам товарищи?»

Голосование провели сразу, и подавляющим большинством голосов было принято решение, что крысы все же товарищи. Несогласных было всего четверо: три собаки и кошка, которая, как впоследствии выяснилось, проголосовала и «за», и «против». Старейшина продолжил:

«Вот практически и все, что я хотел вам сказать. Я еще раз повторяю: никогда не забывайте о своем высшем долге бороться с человеком и всем, что с ним связано. Тот, кто ходит на двух ногах – враг. Тот, кто ходит на четырёх (равно как и тот, у кого крылья) – друг. И помните также, что в борьбе с человеком мы не должны уподобляться ему. Даже когда вы победили его, не перенимайте его пороки. Ни одно животное не должно жить в доме, спать в постели, носить одежду, употреблять алкоголь, курить табак, прикасаться к деньгам или заниматься торговлей. Все привычки человека – зло. И самое главное, ни одно животное не должно угнетать себе подобных. Слабые или сильные, умные или глупые, все мы братья. Животное не убьёт другое животное. Все животные равны.

А теперь, товарищи, я расскажу вам о своем вчерашнем сне. Очень сложно передать словами этот прекрасный сон. Мне снилось, какой будет Земля, когда исчезнет человек. Этот сон напомнил мне кое-что, о чем я давно забыл. Много лет назад, когда я был маленьким поросенком, моя мама и другие свиноматки пели старую песню, из которой они знали только мелодию и первые три слова. Я слышал эту мелодию очень давно, и совсем ее позабыл. Однако

прошлой ночью это воспоминание вернулось ко мне во сне. Более того, вернулись и слова песни – слова, которые, я уверен, пели животные в незапамятные времена, но которые с годами были забыты, и сейчас их мало кто знает. Я сейчас спою вам эту песню, товарищи. Я стар и мой голос охрип, но когда я научу вас этой песне, вы сможете петь ее для себя как полагается. Она называется «Твари Англии».

Старейшина прочистил горло и запел. Как он и сказал, голос его был хриплым, но пел он достаточно хорошо, и это была волнующая мелодия, что-то среднее между «Клементиной» и «Кукарачей». Слова были такие:

Внимание! Внимание! Внимание!
Все твари от Англии до Ирландии
Услышьте мое славное послание –
Мы начинаем сие знатное Восстание!

От угнетения людского избавление,
Дашь нам человека подавление!
Сыты по горло мы его приказами,
И обеспечим сами себя мы припасами.

Освободим себя от кнута мы гнетущего,
Подпруги сбросим, спину нам давящие,
И шпоры, сбрую, цепи и заборы
Ржавеют пусть – мы не ведем переговоры!

Ячмень, овес, зерно и сено
Лежит в сарае неизменно.
Мы заберем лишь то, что наше,
И жизнь тогда уж станет краше!

Мы наведём порядок в этом мире,
Не только в Англии – смотрите шире,
Несите в массы наши цели,
Мы заживем прекрасно, уважаемые звери!

Мы создадим свои законы,
Долой людские лже-каноны!
Ведь все животные равны:
Утки, гуси, свиньи, петухи!

Мы жизни наши отдадим.
Свобода! Счастье! За зверей!
Поведай дальше эту весть,
Ты защити скотины честь.

Внимание! Внимание! Внимание!
Все твари от Англии до Ирландии
Услышьте мое славное послание –
Мы начинаем сие знатное Восстание!

Пение Старейшины вызвало дикий восторг. Он еще не успел допеть до конца, как песню подхватили все присутствующие. Даже самые глупые животные уловили мотив и запомнили пару-тройку слов, а что касается умных, таких как свиньи и собаки, то они всего за несколько минут выучили всю песню наизусть. А затем, после нескольких предварительных репетиций, вся ферма дружно разразилась «Тварями Англии». Каждый пел, как умел – коровы мычали, собаки скулили, овцы блеяли, лошади ржали, утки крякали. Все они были так восхищены песней, что спели ее пять раз подряд и, возможно, пели бы ее всю ночь напролет, если бы их не прервали.

Весь этот зверохор разбудил мистера Джонса. Он вскочил с постели, решив, что во двор прокралась лиса. Схватив ружье, которое всегда стояло наготове в углу спальни, он выбежал на улицу и выстрелил в темноту. Дробь пробарабанила по стене сарая, и собрание пришлось поспешно завершить. Все разбежались по своим стойлам. Птицы взобрались на свои насесты, скотина уюстилась на соломе, и вскоре вся ферма погрузилась в сон.

Глава 2

Через три дня Старейшина мирно скончался во сне. Его тело похоронили на окраине фруктового сада.

Это случилось в начале марта. В течение следующих трех месяцев велась масштабная подпольная деятельность. Речь Старейшины заставила более умных животных совершенно по-новому взглянуть на жизнь. Они не знали, когда произойдет Восстание, завещанное Старейшиной, они даже не были уверены, что застанут при жизни сие судьбоносное событие, но они четко понимали, что их долг – подготовиться к нему. Работа по обучению и организации других животных, естественно, легла на свиней, которые, как было принято считать на ферме, были самыми умными из животных. Среди свиней особенно видными были два молодых борова, Снежок и Наполеон, которых мистер Джонс держал для продажи. Наполеон был крупным беркширским хряком довольно свирепого вида, единственным представителем своей породы на ферме, не очень разговорчивым, но с репутацией решительного и пробивного товарища. Снежок был жизнерадостным, куда более изобретательным и красноречивым, чем Наполеон, однако по мнению других обитателей фермы ему не хватало силы характера. Снежок и Наполеон были единственными хряками на ферме, остальных свиней откармливали на убой. Самым примечательным среди них был маленький толстый поросенок по имени Визгун, с пухлыми щечками, бегающими глазками, проворными движениями и визгливым голосом. Он был блестящим оратором, и когда требовалось доказать что-то труднодоказуемое или убедить кого-то в чем-то невероятном, он обычно прыгал из стороны в сторону и крутил своим закрученным хвостиком, и тогда все, что он говорил, начинало казаться очень убедительным и логичным. О Визгуне говорили, что этот свин мог на раз-два убедить вас в том, что черное – это белое.

Эти трое развили наставление Старейшины в целое философское течение, которое они называли «Скотизмом». И вот несколько ночей в неделю, после того как мистер Джонс шел на боковую, они проводили собрания в сарае и разъясняли другим животным основные принципы скотизма. Конечно, сперва им пришлось изрядно попотеть, чтобы разрушить стену глупости и равнодушия, на которую они наткнулись на первых этапах просвещения фермерской скотины. Одни животные говорили о том, что они должны быть верными мистеру Джонсу, которого они называли «Хозяином». Другие озвучивали такие глупые замечания, как: «Мистер Джонс кормит нас. Без него мы умрем от голода». Некоторые задавали такие вопросы: «Какое нам дело до того, что будет происходить после нашей смерти?» или «Если это восстание все равно произойдет, какая разница, будем мы что-то делать для него или нет?». И свиньям было очень трудно заставить их понять, что подобные высказывания противоречат духу Скотизма. Самые глупые вопросы задавала Молли, белая кобыла. Первый же вопрос, который она задала Снежку, был: «А после Восстания будут давать сахар?»

«Нет», – твердо сказал Снежок. – «У нас нет возможности производить сахар на этой ферме. К тому же, зачем вообще тебе нужен этот сахар? У тебя будет столько овса и сена, сколько захочешь».

«Но мне же все еще будет разрешено носить ленточки в гриве?» – спросила Молли.

«Товарищ, – сказал Снежок, – те ленты, которые тебе так дороги – это символ рабства. Разве ты не понимаешь, что свобода дороже каких-то ленточек?»

Молли согласилась, но по ней было видно, что это ее не очень-то вдохновило.

Но еще труднее хрякам было противостоять выдумкам, которые навязывал животным ручной ворон Моисей. Моисей, любимец мистера Джонса, был тем еще шпионом и ябедой, и заговаривал зубы животным он тоже крайне умело. Он утверждал, что существует райское место под названием Сахарная гора, куда попадают все животные после смерти. По словам Моисея, она была расположена где-то в небе, над облаками. В этой стране был что ни день, то

воскресенье, круглый год поля были усеяны сочным клевером, а сахар и льняной жмых росли на каждой изгороди. Животные недолюбливали Моисея, потому что он много болтал и целыми днями бездельничал, однако некоторые из них все же верили во всю эту сладкую чепуху, так что хрюкам стоило невероятных трудов убедить скотину, что такого места нет и в помине.

Самыми верными последователями Скотизма оказались две ломовые лошади, Боец и Кашка. Эти двое ничего не могли придумать сами, поэтому безоговорочно признав хрюков своими учителями, впитывали каждое их слово, а затем в доступной форме передавали и объясняли их учение другим животным. Они присутствовали на всех тайных собраниях в сарае и громче всех пели песню «Твари Англии», которой эти собрания всегда заканчивались.

К всеобщему удивлению и ликованию, легендарное Восстание состоялось намного раньше и прошло гораздо проще, чем ожидали животные. Когда-то мистер Джонс был неплохим фермером, хотя и суровым хозяином, так что часто гонял скотину кнутом. Однако, в последнее время дела у него шли отвратительно. Потеряв кучу денег в судебных тяжбах, он совсем запустил ферму и изрядно пристрастился к спиртному. Целыми днями он просиживал в своем резном кресле на кухне, читал газеты и пил. Иногда он кормил Моисея хлебными корками, смоченными в пиве. Работники его были лентяями и бездельниками, к тому же еще и вороватыми, и таскали с фермы все, что плохо лежало. В итоге поля заросли сорняками, крыши сараев прогнили, живые изгороди расползлись и облысели, а животные часто оставались голодными.

Наступил июнь, сезон сенокоса. В канун Иванова дня, который в этом году пришелся на субботу, мистер Джонс отправился в Уиллингдон и так налакался в пабе «Красный лев», что не вернулся домой до полудня следующего дня. Работники с утра пораньше подоили коров и отправились охотиться на кроликов, а вот покормить животных они не потрудились. Сам мистер Джонс, вернувшись домой, завалился на диван в гостиной и тут же захрапел, накрыв лицо старой газетой, так что животные снова остались без корма. Вечером их терпение наконец-то лопнуло. Одна из коров рогом сорвала дверь сарая с петель, и все животные кинулись к хранящимся там запасам корма. Вот тогда-то мистер Джонс и проснулся. Вместе со своими четырьмя работниками он ворвался в сарай и принялся хлестать скотину кнутами. На этот раз его жестокость изголодавшиеся животные терпеть не стали. И, хотя ничего подобного заранее не планировалось, они скопом набросились на своих мучителей. И вот, в мгновение ока расстановка сил в корне изменилась – уже Джонса и его людей бодали и пинали со всех сторон. Ситуация вышла из-под их контроля. Люди никогда раньше не видели, чтобы животные вели себя подобным образом. Это внезапное восстание существ, которых они привыкли хлестать и колотить по своему усмотрению, напугало их почти до смерти. Спустя всего пару мгновений они оставили попытки защищаться и бросились наутек. Минуту спустя все пятеро, спотыкаясь, наперегонки бежали по тропе, ведущей к главной дороге, а скотина с триумфом преследовала их.

Миссис Джонс выглянула в окно спальни, и увидев, что происходит, с перепугу поспешно побросала необходимые вещи в саквояж и сбежала с фермы огородами. Моисей соскочил с насеста и, громко каркая, поспешил за ней. Тем временем животные выгнали Джонса и его людей на дорогу и захлопнули за ними ворота. Таким образом, прежде, чем они сами поняли, что только что произошло, Восстание было успешно завершено: Джонс был изгнан, и Господский Двор теперь был под их полным контролем.

Первые несколько минут животные не могли поверить своему счастью. Они резво прочесали ферму, чтобы убедиться, что никому из людей не удалось где-нибудь спрятаться, а затем помчались обратно во двор, чтобы уничтожить последние следы ненавистного правления Джонса. Они взломали дверь от амунишной в глубине конюшни, где хранился инвентарь: удила, уздечки, цепи для собак, страшные ножи, которыми мистер Джонс кастрировал свиней и баранов – все было выброшено в колодец. Вожжи, сбруя, шоры – все эти унижительные при-

способления полетели напрямик в костер, уже вовсю полыхающий во дворе. Туда же отправились и кнуты. Все животные прыгали от радости, наблюдая, как горит хозяйское добро. Снежок также швырнул в огонь и ленточки, которыми обычно украшали гривы и хвосты лошадей в базарные дни.

«Ленты, – сказал он, – следует тоже считать одеждой, являющейся признаком человека. Животное не носит одежду».

Услышав это, Боец тут же принес маленькую соломенную шляпу, которая летом спасала его уши от надоедливых мух, и демонстративно бросил ее в костер.

Вскоре животные уничтожили все, что напоминало им о мистере Джонсе. После этого Наполеон отвел их обратно в сарай и выдал всем по двойной порции корма, а собакам перепало по две галеты каждой. Затем они дружно спели «Твари Англии» от начала до конца семь раз подряд, и разошлись по стойлам. В эту ночь они спали так крепко и сладко, как никогда прежде.

По привычке они проснулись на рассвете и, внезапно вспомнив о случившемся прошлой ночью, на радостях все вместе помчались на пастбище. Недалеко от него был холм, с которого ферму было видно как на ладони. Животные вскарабкались на его вершину и в ясном утреннем свете обвели взором свои новые владения. Да, отныне все это принадлежало им – все, что они видели, было их собственностью! От этой мысли их переполнил восторг, и они принялись безудержно носиться по полю и радостно прыгать. Они катались по росе, щипали сочную летнюю траву, рыхлили копытами черную землю и вдыхали ее насыщенный аромат. Затем они по-хозяйски обошли всю ферму и с безмолвным восхищением осмотрели пашню, сенокос, фруктовый сад, пруд и небольшую рощу. Они смотрели на все так, словно никогда раньше не видели этого, и даже сейчас с трудом верили, что все это принадлежало им.

Затем они вернулись к хозяйственным постройкам и остановились у дверей фермерского дома. Отныне он тоже принадлежал им, но они не решались войти внутрь. Однако уже через мгновение Снежок и Наполеон распахнули дверь настежь, и животные гуськом вошли в дом, шагая с предельной осторожностью, чтобы ничего ненароком не задеть. Они на цыпочках переходили из комнаты в комнату, боясь говорить даже шепотом и с трепетом глядя на невероятную роскошь: на кровати с перьевыми матрасами, зеркала, диван, набитый конским волосом, узорчатый ковер и литографию королевы Виктории над камином в гостиной. Они в восхищении спускались по лестнице, когда вдруг обнаружилось, что Молли куда-то подевалась. Они вернулись наверх, и обнаружили пропажу в хозяйской спальне. Молли взяла голубую ленточку с туалетного столика миссис Джонс, пристроила ее к своей гриве и с глупым видом крутилась перед зеркалом. Животные резко упрекнули ее в самоуправстве и вышли на улицу. Хранящиеся на кухне куски ветчины забрали для достойного предания земле, а бочку с пивом Боец проломил своим мощным копытом. Все остальное в доме они оставили нетронутым. Единогласно было принято решение сберечь хозяйский дом в качестве музея. Все единодушно пришли к соглашению, что здесь никогда не должно жить ни одно животное.

После завтрака Снежок и Наполеон снова всех созвали.

«Товарищи, – сказал Снежок, – сейчас половина седьмого, и впереди нас ждет долгий день. Сегодня мы начнем заготавливать сено на зиму. Но прежде нужно сделать кое-что более необходимое».

Свиньи сообщили, что за последние три месяца они научились читать и писать по старому учебнику с прописями, который принадлежал детям мистера Джонса, и который был уничтожен в триумфальную ночь Восстания. Наполеон велел принести ему банку с черной и белой краской, после чего животные направились к воротам, которые выходили на главную дорогу. Снежок (именно он, потому что у него был самый разборчивый почерк) взял своим раздвоенным копытцем кисточку и закрасил белой краской надпись Господский Двор на верхней перекладине ворот и поверх нее написал «СКОТНЫЙ ДВОР». Отныне ферма носила такое название. После этого все снова вернулись к хозяйственным постройкам. Снежок и Наполеон

велели принести им лестницу, которую они поставили у торцевой стены большого сарая. Они объяснили собравшейся вокруг них скотине, что за последние три месяца, пока они изучали прописи, им удалось свести принципы Скотизма к семи простым заповедям. Именно эти семь заповедей сейчас и будут запечатлены на стене. Они составят незыблемый закон, по которому отныне должны будут жить все обитатели Скотного двора. С некоторыми трудностями (ибо свинье не так уж просто удерживать равновесие на лестнице) Снежок забрался наверх и принялся за работу. Визгун балансировал на несколько ступенек ниже него, держа в копытах банку с краской. Заповеди были написаны на черной, покрытой дегтем стене большими белыми буквами, которые можно было прочитать на расстоянии тридцати метров. Вот что они гласили:

СЕМЬ ЗАПОВЕДЕЙ

1. Тот, кто ходит на двух ногах – враг.
2. Тот, кто ходит на четырёх (равно как и тот, у кого крылья) – друг.
3. Животное не носит одежду.
4. Животное не спит в кровати.
5. Животное не пьёт спиртного.
6. Животное не убьёт другое животное.
7. Все животные равны.

Написано все было очень аккуратно и можно даже было бы сказать грамотно, за исключением того, что слово «друг» было написано как «дург» и одна из букв «в» смотрела не в ту сторону. Снежок прочитал написанное вслух для других. Все животные кивнули в полном согласии, а самые умные сразу начали учить Заповеди наизусть.

«А теперь, товарищи, – закричал Снежок, бросая кисть, – на поля! Пусть для нас станет делом чести убрать урожай и заготовить сено быстрее, чем это могли сделать Джонс и его люди».

Но в этот момент три коровы, которые уже какое-то время выглядели весьма встревоженными, громко замычали. Их не доили уже двадцать четыре часа, и их вымя готово было лопнуть. Немного подумав, свиньи послали за ведрами и довольно успешно подоили коров – как ни странно, их раздвоенные копытца отлично подходили для этой задачи. Вскоре пять ведер были до краев заполнены пенным жирным молоком, на которое многие животные смотрели с большим интересом.

«И что теперь делать с этим молоком?» – спросил кто-то.

«Джонс иногда подмешивал немного в наш корм», – с умным видом сказала одна из куриц.

«О молоке не беспокойтесь, товарищи!» – воскликнул Наполеон, закрывая собой ведра. «О нем позаботятся. Урожай важнее. Товарищ Снежок будет во главе колонны. Я подойду через несколько минут. Вперед, товарищи! Работа зовет».

Животные ушли в поле убирать сено, а когда вернулись вечером, то обнаружили, что молоко бесследно исчезло.

Глава 3

Как же они старались, как трудились, не жалея себя, чтобы собрать больше сена! Впрочем, их усилия были вознаграждены, так как урожай оказался даже больше, чем они рассчитывали.

Порой бывало очень тяжело, ведь орудия предназначались для людей, а не для животных, и большим недостатком было то, что ни одно животное не могло использовать инструменты, которые предполагали стояние на задних лапах. Но свиньи были настолько умны, что умудрялись найти выход из любой трудной ситуации. Что касается лошадей, они знали каждый дюйм поля и, по сути, разбирались в том, как косить и сгребать сено, гораздо лучше, чем Джонс и его люди. Сами свиньи по факту не работали, а лишь руководили другими и контролировали рабочий процесс. Учитывая их блестящий ум, всем казалось естественным, что они взяли на себя руководство фермой. Боец и Кашка со знанием дела впрягались в жатку и грабли-волокуши (сейчас, разумеется, не требовались ни хлыст, ни вожжи), и целеустремленно шагали по полю, а свинья шла сзади и кричала: «Поднажми, товарищ!» или «Погодь, товарищ, сдай немного взад!». И каждое животное, вплоть до самых маленьких и немощных, косило и собирало сено. Даже утки и куры весь день бегали туда-сюда и носили в клювах крошечные пучки сена. В конце концов, животные закончили сбор урожая на два дня раньше, чем обычно это делал Джонс и его работники. Более того, это был самый большой урожай, который когда-либо видела ферма. Не был пропущен ни один стебелек: куры и утки благодаря своим зорким глазам подбирали даже самые маленькие травинки. За время сбора урожая не было украдено ни одного пучка сена.

Все лето ферма работала как часы. Животные были так счастливы, как никогда не могли себе даже представить. Они с гордостью и удовольствием смотрели за запасы еды, осознавая, что теперь это была действительно их собственная еда, произведенная ими самими и для них же самих, а не выдаваемая им жестоким хозяином с недовольной физиономией. С изгнанием никчемных людишек, которые жили за счёт животных, словно паразиты, еды стало заметно больше. Свободного времени тоже стало больше, хотя животным это было в новинку и не всем удавалось придумать, чем себя занять на досуге. Конечно, не обходилось и без трудностей. Например, когда они собрали зерно, им пришлось изобретать, как очищать зернышки: аккуратно сдвигать с них оболочку, а затем самостоятельно перетирать их, поскольку на ферме не было ни молотилки, ни жерновов – но свиньи с их смекалкой и в этой ситуации нашли выход, ведь Боец с его огромными копытами прекрасно мог справиться с такой задачей. Боец, конечно, вызывал всеобщее восхищение. Он был трудолюбивым даже во времена Джонса, но теперь он словно работал за троих. Бывали дни, когда казалось, что вся работа на ферме ложится на его могучие плечи. С утра до вечера он толкал и тянул, он всегда был там, где работа была самой тяжелой. Он договорился с одним из петухов, чтобы тот будил его по утрам на полчаса раньше, чем остальных животных, и еще до начала рабочего дня он добровольно доделывал ту работу, которая осталась со вчерашнего дня. На каждую проблему, на каждую неудачу он отвечал: «Я буду работать усерднее» – такой вот был у него девиз.

Но в целом каждый обитатель фермы усердно работал в соответствии со своими способностями. Куры и утки, например, сэкономили пять бушелей зерна во время уборки урожая, собрав случайно выпавшие на землю зерна. Никто не воровал, никто не жаловался на размер порций, никто не ссорился, не кусался и не завидовал, как было в эпоху человеческого командования. Никто не уклонялся от работы – ну, почти никто. Молли всегда просыпалась позже всех по утрам и уходила с работы раньше каждый раз, когда в ее копыте застревал камушек. Поведение кошки тоже было несколько своеобразным. Довольно скоро было замечено, что как только нужно было сделать какую-то срочную работу, кошку было не доискаться. Она пропа-

дала куда-то на несколько часов, а затем появлялась как раз к раздаче еды или вечером после окончания работы, как ни в чем не бывало. Но у нее всегда наготове было какое-нибудь оправдание, и она так ласково мурлыкала, что невозможно было не поверить в ее добрые намерения. Старый Бенджамин, осел, казалось, совершенно не изменил своего поведения со времен Восстания. Он бурчал и оттягивал до последнего, а потом делал свою работу с той же упрямой медлительностью, что и во времена Джонса. Хотя он никогда не отказывался от работы, но и добровольцем для дополнительной работы никогда не выступал. О восстании и его результатах он предпочитал помалкивать. Когда его спросили, стал ли он счастливее после ухода Джонса, он отвечал только: «Мы, ослы, живём долго на этом свете. Никто из вас никогда не видел мертвого осла», и остальным приходилось довольствоваться этим загадочным ответом.

По воскресеньям животные не работали. Завтрак был на час позже обычного, а затем следовала церемония, которую неизменно проводили каждую неделю. Сначала торжественно поднимали флаг. Снежок нашел в одном из сараев старую зеленую скатерть миссис Джонс и нарисовал на ней белой краской копыто и рог. И вот этот самодельный стяг поднимали на флагшток в саду каждое воскресное утро. Снежок объяснил непросвещенной скотине, что зеленый цвет символизирует зеленые поля Англии, а копыто и рог будущую Скотскую Республику, которая будет основана, когда человечество будет окончательно низвергнуто. После поднятия флага все животные выдвигались в большой сарай на мероприятие, известное как Собрание. Здесь планировалась работа на предстоящую неделю, выдвигались идеи и предложения, а также обсуждались решения насущных проблем. На самом деле выдвигали предложения и решения только свиньи. Другие животные понимали, как голосовать, но никогда не могли ничего предложить сами. Снежок и Наполеон были самыми активными на собраниях. Но было замечено, что эти двое всегда были друг с другом не согласны: какое бы предложение ни сделал один из них, другой всегда выступал против. Даже когда было решено – с чем, в принципе, все были согласны – выделить небольшой участок за садом и сделать там место обитания для животных, которые ушли на покой, разразились бурные споры о справедливом пенсионном возрасте для каждого вида животного. Собрание всегда заканчивалось пением песни «Твари Англии», которая стала своего рода гимном Скотного Двора, а послеобеденное время отводилось на отдых.

Свиньи переделали подсобку для инвентаря под свой штаб. Здесь по вечерам они изучали кузнечное и плотницкое дело, а также другие полезные и необходимые ремесла по книгам, которые они притащили из хозяйского дома. Снежок помимо этого занимался организацией других животных в так называемые скотские комитеты. Он был в этом деле как рыба в воде и отдавался ему с головой. Он создал Комитет по производству яиц – для кур, Лигу по очищению хвостов – для коров, Комитет по перевоспитанию диких товарищей (целью которого было приручение крыс и кроликов), Движение за белую шерсть для овец и прочие организации. Вдобавок ко всему этому он также занимался созданием кружков по чтению и письму. В целом, почти все эти проекты провалились. Например, от попытки приручить диких существ практически сразу же отказались. Эти твари продолжали вести себя почти так же дико, как и раньше, и когда к ним относились с щедростью, они просто использовали это в своих интересах. Кошка примкнула к Комитету по перевоспитанию и несколько дней даже вела там активную деятельность. Однажды ее видели сидящей на крыше и разговаривающей с воробьями, которые держались от нее на безопасном расстоянии. Она говорила им, что теперь все животные стали товарищами и что любой воробей, который этого пожелает, может подойти и сесть ей на лапу. Но судя по всему, воробьи не спешили принимать ее предложение и держались подальше.

А вот уроки чтения и письма имели большой успех. К осени почти все животные на ферме в той или иной степени были грамотными.

Что касается свиней, то все они уже отлично читали и писали. Собаки довольно хорошо научились читать, но не интересовались чтением ничего, кроме семи заповедей. Мюриэль,

коза, умела читать немного лучше собак и иногда по вечерам читала другим животным обрывки газет, которые находила на куче мусора. Бенджамин умел читать не хуже свиней, однако никогда не пользовался этим умением. Как он сам говорил, ему не попадалось пока ни одного достойного чтива, поэтому и читать он не видел смысла. Кашка выучила весь алфавит, но складывать буквы в слова ей никак не удавалось. Боец не мог ничего запомнить дальше буквы Г. Он чертил на пыльной земле А, Б, В, Г своим большим копытом, а затем тупо стоял, прижав уши, и глазел на буквы. Иногда он так старался вспомнить, что же там идет дальше, что у него аж дрожал загривок, но все безрезультатно. Да, пару раз он действительно выучивал Д, Е, Ё, Ж, но к тому времени, как он их запоминал, всегда обнаруживалось, что он уже забыл А, Б, В и Г. В конце концов он решил довольствоваться первыми четырьмя буквами, и писал их один или два раза в день, чтобы освежить память. Молли наотрез отказалась учить что-либо, кроме букв, из которых состояло ее собственное имя. Она очень аккуратно выкладывала буквы из веточек, а затем украшала их цветами и ходила вокруг, любуясь ими.

Больше никому из животных на ферме не удавалось продвинуться дальше буквы А. Также было обнаружено, что более глупые животные – такие как овцы, куры и утки – были неспособны даже выучить Семь заповедей наизусть. После долгих раздумий Снежок заявил, что Семь заповедей можно свести к единственной максиме, а именно: «Четыре ноги – хорошо, две – плохо». В этом, по его словам, заключен основной принцип Скотизма. Тот, кто усвоит это, будет в безопасности от тлетворного влияния человека. Птицы сначала возражали, так как им казалось, что у них тоже две ноги, но Снежок доказал им, что это не так.

«Птичье крыло, товарищи, – сказал он, – это орган движения, а не манипуляции. Поэтому его следует рассматривать как ногу. Отличительная черта человека – РУКА, инструмент, с помощью которого он творит все свои гнусные дела».

Птицы не поняли длинных речей Снежка, но согласились с его объяснением, и все недалекие животные принялись заучивать новую максиму наизусть. «Четыре ноги – хорошо, две – плохо» также было написано большими буквами на торцевой стене сарая прямо над Семью заповедями. Когда овцы наконец-то выучили наизусть это правило, они очень полюбили это изречение и часто, лежа в поле, хором начинали блеять: «Четыре ноги – хорошо, две – плохо! Четыре ноги – хорошо, две – плохо!» и могли по несколько часов подряд без усталости повторять одно и то же.

Наполеон не интересовался комитетами Снежка. Он говорил, что в первую очередь нужно сосредоточиться на образовании молодежи, а не на тех, кто уже вырос и сформировался как личность. Случилось так, что Джесси и Кувшинка обе оценились вскоре после уборки сена, и у них родилось девять крепких щенков. Как только они немного подросли и оторвались от материнской груди, Наполеон забрал их, сказав, что он лично займется их образованием. Он отнес их на сеновал, куда можно было взобраться только по приставной лестнице из штаба свинов в подсобке для инструментов, так что щенков никто не видел, и вскоре все вообще забыли об их существовании.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.